

«Олицетворять обаяние русского имени»

*Беседа Чрезвычайных и Полномочных Послов
М.А. Конаровского и А.И. Кузнецова о доминантах
дипломатической профессии,
с участием В.В. Воротникова и А.Л. Чечевшиникова*

Михаил Алексеевич Конаровский, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: makonarovsky@mail.ru

Александр Игоревич Кузнецов, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: embkuz@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Эта публикация – запись беседы в редакции журнала «Международная аналитика» об особенностях формирования кадрового корпуса дипломатической службы различных государств, обусловленных историческими традициями формирования государственной службы в целом; о подготовке дипломатов в России в прошлом и настоящем и о требованиях, предъявляемых к молодым дипломатам. Среди наиболее важных требований: учиться формулировать аналитические тексты, приобщаться к составлению дипломатических документов; умение говорить, вести публичную полемику на английском языке и на языке страны пребывания; постоянно расширять культурный кругозор, быть интересным собеседником; соблюдать бытовые и поведенческие ограничения, которые накладывает дипломатическая служба; исходить из отсутствия в дипломатии мелочей. В беседе также проанализирована главная проблема дипломатического образования в МГИМО – необходимость поддержания университетского уровня образования при расходе существенной части учебного времени на лингвистическую подготовку.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

школы дипломатии, дипломатическая школа МГИМО, профессиональные особенности дипломатической службы, ценностно-ориентированный реализм

А.Л. Чечевишников. Наша сегодняшняя беседа посвящена школам дипломатии – тому, как в России и других странах готовят людей этой специфической профессии. Поделиться своим видением темы, а также обширным практическим опытом любезно согласились два выдающихся дипломата – Михаил Алексеевич Коноваловский и Александр Игоревич Кузнецов.

Михаил Алексеевич Коноваловский большую часть своей профессиональной жизни посвятил работе «на Востоке». Самым интенсивным этапом его дипломатической карьеры были два года в должности посла в Кабуле, когда из руин пришлось восстанавливать и посольство, и отношения со страной пребывания. Афганистан – это семь тысяч дней жизни Михаила Алексеевича, о которых скоро выйдет увлекательная книга¹. В различные годы М.А. Коноваловский также являлся советником посольства в США, послом в Шри-Ланке и в Мальдивской Республике по совместительству, послом в Хорватии, заместителем генерального секретаря Шанхайской организации сотрудничества. В настоящее время Михаил Алексеевич – ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО.

Профессиональная биография Александра Игоревича Кузнецова связана в большей степени со странами Запада – за работой в Аргентине, Испании, США, Франции последовало руководство Департаментом внешнеполитического планирования МИД России. Затем в течение шести лет А.И. Кузнецов представлял Российскую Федерацию в Королевстве Испания и в Княжестве Андорра по совместительству. После этого – четыре года в центральном аппарате в должности директора Историко-документального департамента. Завершающим этапом его дипломатической карьеры стали шесть лет в должности постоянного представителя Российской Федерации при ЮНЕСКО. В настоящее время Александр Игоревич – профессор Кафедры дипломатии МГИМО.

Еще один участник беседы – Владислав Владиславович Воротников, заведующий Кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО, руководитель исследовательской программы Института международных исследований «Отношения с Западом в меняющемся миропорядке».

Когда слышишь, как зачастую говорят о МГИМО люди сторонние по отношению к нашему университету, поражаешься тому, насколько их оценки не соответствуют реальным плюсам и реальным минусам, позитивным и негативным чертам МГИМО. Так и профессия дипломата – своего рода «черный ящик»: пространство непроницаемое для понимания извне еще в большей степени, чем заведение, в стенах которого мы находимся. Мы поговорим сегодня о том, каким образом из вчерашних школьников через некоторое количество лет возникает профессионал, человек такой загадочной, почти мифологической профессии, как дипломат. Передаю слово Владиславу Владиславовичу.

В.В. Воротников. Большое спасибо. Многие мои коллеги по студенческой скамье уже не один год работают в стенах Министерства иностранных дел. Когда мы оканчивали МГИМО, для нас было некоторой загадкой, в какой мир мы окупимся и насколько будем соответствовать тому уровню, которого от нас ждут.

1 Коноваловский 2025; 2020.

В этой связи хотел бы задать первый вопрос. Когда молодой дипломат, выпускник МГИМО (пока будем говорить о МГИМО, хотя понятно, что в стенах Министерства оказываются выпускники и других университетов), приходит в МИД, что от него ждут? Каким его видят? Что у него получается? Какие, скажем так, упущения сразу видны? Чего не хватает, помимо опыта, а чего, может быть, в избытке у молодого дипломата, когда он оказывается на практической работе?

А.И. Кузнецов. Я сказал бы, что от выпускников МГИМО на первых порах многого и не ждут, проявляют к ним определенную снисходительность, понимая, что университетское образование – это одно, а практическая работа – другое. Тем более что в дипломатии практический опыт имеет огромное значение. Недаром существуют совершенно разные школы подготовки дипломатов, где акцент делается как раз на практический опыт. Из истории России мы знаем, что, например, кадровая политика Александра Михайловича Горчакова основывалась как раз на том, чтобы дать молодым дипломатам возможность приобщиться к опыту ведущих послов России, увидеть, как те работают. И если они действительно готовы впитывать этот опыт, то, в конечном счете, добьются успеха.

Общепринятая практика сегодня – поручать недавнему выпускнику МГИМО в посольстве функции шефа протокола и секретаря посла. Он должен заниматься нотной перепиской с Министерством иностранных дел, организовывать различные протокольные мероприятия. Кажется, не бином Ньютона, и это можно легко освоить, если серьезно относиться. Но, несмотря на то что в МГИМО есть целый предмет «Протокол и этикет», на практике все оказывается не так просто. Мне часто приходилось поправлять наших молодых сотрудников, когда им поручалось сделать рассадку. Так что акцент делается на том, чтобы дать возможность молодому сотруднику, если он серьезно относится к своим обязанностям, постепенно включиться в работу. Особенно важно – как можно раньше приобщиться к составлению дипломатических документов. Это самое сложное. Если человек проявляет способности к этому, то это очень благотворно сказывается на его карьере. Хорошо писать, хорошо формулировать аналитические документы, донесения – это, пожалуй, самое главное для становления дипломата.

М.А. Конаровский. Могу добавить со своей стороны, поскольку начинал свою дипломатическую карьеру не сразу после Института восточных языков, а уже поработав некоторое время в Кабуле. Я был приглашен на работу в посольство в качестве переводчика. Тогда это была самая первая ступень, еще до атташе. И я столкнулся с тем, что вообще ничего не знал, потому что у меня не было профессиональной подготовки, которую в той или иной степени давал МГИМО. Я же был филолог-иранист по образованию. Тем не менее смена парадигмы была мне очень интересна. И то, чем я стал заниматься, встречало поддержку старших товарищей. Хотя и с некоторым снисхождением, но это было доброжелательное снисхождение. Многому я научился и просто подглядывая за тем, как работают они.

Хочу согласиться, что с самого начала нужно уяснить главное: профессия дипломата очень тяжелая и сложная. Многие годы считалось, что дипломаты в основном ходят с бокалом где-то на приемах и о чем-то болтают. Да, есть такая внешняя «штука» – протокольные мероприятия. Александр Игоревич правильно сказал по поводу протокола. И важно, чтобы протокольник, обычно младший дипломат,

очень серьезно, скрупулезно подходил к своим обязанностям. Хорошо, если посол обратит внимание на твою ошибку. А если он занят и может получиться так, что ты сделал рассадку и посадил кого-то не туда? Такая ситуация иногда воспринимается партнерами как легкий политический укол либо простое невнимание. Вроде бы, ну, подумаешь, где кто сидит? На самом же деле в дипломатии важна каждая мелочь: как человек сидит, где он сидит, с кем он стоит, о чем он разговаривает... Дипломат это очень серьезная профессия, требующая большой самоотдачи и самодисциплины, а также реального, а не «квасного» патриотизма. Все это реальные вещи, а не просто слова.

Мне кажется, что раньше у нас не хватало того, о чем говорит Александр Игоревич, – подготовки дипломата к написанию «бумаг». Дипломатическая переписка – вещь очень специфическая, учиться ей надо всю жизнь. И далеко не всегда, на мой взгляд, даже став пожилым и более или менее знающим человеком, ты способен сформулировать мысль, которая должна от тебя исходить. Все это требует очень большой работы. Писать документы нужно учиться с самого начала.

Второй важный момент – умение говорить. Студенты сегодня в значительной мере изменились, стали более открыты. Когда я работал в Штатах в середине – второй половине девяностых, то наблюдал, что некоторые наши молодые дипломаты были не готовы к ведению дискуссий. Так, приходилось участвовать в научных мероприятиях различных политологических центров. Возникали дискуссии и даже споры, а наши сотрудники не могли, не хотели или боялись – я не знаю, в чем была причина, – парировать обвинения в адрес своей страны или же четко излагать ее позицию по конкретному вопросу. Выступая сам, я стремился подвигнуть к этому и младших коллег. Надо преодолевать боязнь излагать свои мысли. И нынешним студентам важно сознавать, что по прошествии времени им в любом случае придется вести публичную полемику. Поэтому надо стремиться четче выражать свои мысли, а также знать всю палитру политики своей страны, а не только ее аспекты по твоей специализации.

А.И. Кузнецов. Михаил Алексеевич, Вы затронули целый ряд очень важных и принципиальных тем. На умение выступать публично следует обратить самое серьезное внимание, потому что в ближайшие годы это будет одной из главных составляющих в работе дипломата. Тем более что способность к публичной полемике предполагает совершенно другой уровень знания иностранного языка.

И второе. Мелочей не должно быть не только в протоколе, но и в других вещах. Расскажу историю, которая для меня послужила уроком, когда я был в Мадриде в качестве секретаря посольства. Состоялся визит Андрея Андреевича Громыко в Испанию. Было подписано много двусторонних документов. Это была такая кипа папок с соглашениями и протоколами. Наступает день, когда все эти документы нужно отправлять в Москву с диппочтой. Остается несколько часов до отправки. И вот, единственный человек, который удосужился перелистать эти папки, был наш советник-посланник. Он обнаружил, что на одном из соглашений нет подписи министра иностранных дел Испании. Это был бы скандал, потому что если бы папка попала в Москву, то ее пришлось бы отправлять обратно. Мне пришлось срочно бежать в МИД (я тогда занимался двусторонними отношениями), врываться в приемную министра и просить, чтобы он подписал это соглашение. Вот что значит внимание дипломата к «мелочам», хотя на самом деле

они далеко не мелочи. В советском МИДе было такое выражение «мидовская вьедливость». Это считалось очень ценным качеством дипломата.

М.А. Конаровский. Это действительно чрезвычайно важно. Поэтому, если позволите, я тоже приведу пример на ту же тему. Организовывается официальный прием, и должен играть гимн. И если ты вдруг включаешь (или завхоз включает) запись гимна, все ждут, стоят, а звука нет. Поэтому наперед зная, что такое случается, я всегда лично это проверял. Совершенно с Вами согласен, что мелочей нет вообще. И во взаимном общении их тоже нет... Позволю себе вернуться к Востоку, потому что имел возможность сравнивать общение с коллегами на Западе и общение в разных странах на Востоке. Общение на Востоке – это большая психологическая специфика. Менталитет народов Востока отличается от нашего значительно больше, чем менталитет «западного направления». Так история распорядилась. Поэтому изучение восточных языков сопровождается, как правило, более глубоким изучением истории, культуры и всего того, к чему особенно внимательно подходят сами носители этих культур. Это необходимо обязательно учитывать в любых контактах на Востоке.

Вы совершенно правильно сказали, что способность выступать на иностранном языке – это особая школа. И если ты выступаешь не только с хорошим произношением, но и с серьезной субстантивностью, то все это вкуче производит очень благоприятное впечатление. Представляя страну в таком качестве, ты так или иначе повышаешь ее авторитет даже среди тех, кто к тебе относится достаточно прохладно. Поэтому языковая подготовка чрезвычайно важна. В советский период мы западные языки учили только дома. Сейчас же очень многие ребята отлично знают иностранный язык, еще будучи школьниками, и это облегчает им общую задачу. Но как «восточник» я призываю не забывать именно особенность Востока, где знание культуры и традиций очень значимо для наших контактов. Это повышает авторитет твой и твоей страны гораздо больше, чем в аналогичных ситуациях на Западе.

А.И. Кузнецов. Вы напомнили мне цитату, которую я вчера студентам привел из Александра Невского и которая звучит исключительно актуально сегодня: «Крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке».

А.Л. Чечевешников. Коллеги, вы затронули некоторые исторические аспекты, а также языки... Были такие замечательные времена, когда при комплектовании российской дипломатической службы никаких проблем с основными западными языками не было вообще. Молодые дипломаты знали их, в некотором смысле, по факту рождения. Любая петербургская и московская гимназия давала свободное владение двумя западными языками. Сегодня, как отметил Михаил Алексеевич, настали времена, когда молодым людям вновь стало легче изучать языки и некоторые из них приходят в МГИМО с приличным английским. В советские годы такого не наблюдалось.

И здесь мне видится повод обратиться к первым годам истории МГИМО. Когда рассказывают о них, не всегда учитывают то обстоятельство, что это был достаточно оригинальный по тем временам проект: готовить дипломатов из вчерашних школьников. Не буду сейчас углубляться в точечные примеры того, как это было в Соединенных Штатах после Первой мировой войны, но и спустя четверть века такой подход оставался пионерским. А теперь вопрос. В чем плю-

сы и в чем минусы таких учебных заведений, как МГИМО? Как они соотносятся с различными иными форматами дополнительного образования, переквалификации? Когда-то таким форматом была Дипломатическая академия при нашем МИДе, которая переучивала партийных и хозяйственных работников, состоявшихся в своей сфере, на дипломатическую стезю. Каковы плюсы и минусы этих принципиально различных треков подготовки дипломата?

М.А. Конаровский. Вопрос для меня очень непростой. Мне трудно оценить МГИМО, потому что учебный процесс здесь я наблюдаю как бы со стороны. Хотел бы акцентировать внимание на таком значимом заблуждении, которое может сыграть с будущим дипломатом злую шутку. Я имею в виду изначальное ощущение студентом, поступившим в МГИМО, своей элитарности, исключительности. Очень важно понимать, что они не элита в упрощенном понимании и только позже могут стать подлинной элитой, которая защищает интересы своей страны на очень серьезном – внешнеполитическом – поприще. Это важный воспитательный момент и для МГИМО, и для ИСАА...

Конечно, дипломат должен быть широко образован. Прежде всего нужно хорошо знать историю. Особенно сейчас, когда очень много разнообразных искажений исторической правды и когда партнеры смотрят на историю с иного угла и пытаются тебя, так сказать, додавить до принятия своей позиции. Чтобы твоя дипломатическая работа была результативной, надо хорошо знать другую сторону вопроса и уметь на это все реагировать, приводя свои аргументы. Это не ток-шоу на телевидении – это реальный разговор. Для дипломата важно быть готовым к любому разговору, так как от его слов, его выражений многое зависит.

Речь идет не только о содержании твоих аргументов, но и о форме. Когда наши партнеры, в частности на Западе, зачастую переходят грани нормального человеческого общения, это только подогревает недопонимание между государствами. Дипломаты должны быть предельно корректны в своих высказываниях, твердых высказываниях, но без оскорбительных моментов. Сейчас на международной арене имеется тренд не особо большого внимания к лексике. Это можно простить другим профессиям, но профессии дипломата, на мой взгляд, этого прощать нельзя. В этом сила дипломата, когда он не теряет своего разума и спокойным тоном разъясняет то, что является важным для интересов его страны. Сегодняшние студенты завтра столкнутся с этим на международной арене, когда агрессия направлена против тебя как личности, против тебя как представителя своей страны, против тебя как олицетворения русской истории и культуры. К этому нужно быть готовым. Раньше было проще, скажу вам откровенно. Сейчас тебя пытаются оскорбить, обойти с любой стороны, и надо уметь держать удар. Этому нужно учиться, потому что это не так просто. Одно дело, когда ты говоришь с товарищами, а другое дело – с противниками. Совершенно разные вещи.

В.В. Воротников. Может быть, нужно учить молодого человека чему-то еще в дополнение? Например, ораторскому искусству, поскольку это довольно сложная вещь. Да, в МГИМО, допустим, существует клуб «Дебаты», есть разные форматы научных мероприятий, где молодежь выступает публично. Не скажу, что всегда успешно, но они учатся, так и должно быть. Может быть, нужно уже на этапе обучения это вводить в программу? Или все это молодой дипломат впитывает уже в процессе работы? Вот, допустим, нужно ли учить психологии дипломатии? Помню, лет

пятнадцать назад выходила интересная книга, связанная с психологическими особенностями дипломатической работы¹. Может быть, на эти вещи делать акцент уже на студенческом этапе?

М.А. Конаровский. Я считаю, что такие акценты необходимы.

А.И. Кузнецов. Хотел бы ответить на вопрос Александра Леонидовича. Трудно говорить о плюсах и минусах той или иной образовательной программы подготовки дипломатов, потому что в каждой стране своя система, свои взгляды, и это все имеет глубокие исторические корни. Вообще же разговор о необходимости специальной подготовки дипломатов – сравнительно недавний. Он возник в начале XVIII в., когда известный теоретик дипломатии Франсуа де Кальер впервые стал недоумевать, почему в армии учат военному делу и, прежде чем стать генералом, нужно пройти определенные ступеньки военной карьеры, а в дипломатии, которая не менее сложная по своей сути, человек только благодаря громкому имени, знатности, богатству может быть послом в стране, о которой он вообще ничего не знает: ни языка, ни истории, ни традиций – ничего².

Было несколько проектов специальной подготовки дипломатов – во Франции и в других странах, – но они в основном были неудачными, в том числе в России. При Павле I был подписан указ о создании дипломатической школы, но Александр I, взойдя на престол, оставил его без последствий. Правда, был создан Царскосельский лицей, но, вопреки сложившемуся представлению, он не был кузницей дипломатических кадров, потому что перед ним ставилась задача готовить молодых людей для государственной службы в целом. И если проследить статистику, то лишь 10% выпускников, начиная с 1811 и по 1917 г., шли на дипломатическую службу. Правда, среди них было пять министров иностранных дел. Что же касается советского периода... Почему проект МГИМО оказался таким удачным и успешным? Потому что он возник в определенных исторических обстоятельствах, когда после победы во Второй мировой войне Советский Союз вышел на международную арену как мировая держава и нужно было устанавливать отношения с более широким кругом государств. Потребовался более многочисленный дипломатический корпус. И создание такого уникального института оказалось востребовано и полностью оправдало себя.

В других странах было не так. Например, в Британии вообще нет никакой системы специальной подготовки дипломатов. Там считается, что достаточно иметь хорошее университетское образование, а все остальное – это дело опыта, который, с одной стороны, раскрывает природные способности человека, а с другой – компенсирует недостаток этих способностей. Во всем остальном главное – чтобы человек был джентльменом, вот и все. В других странах существует то, о чем говорил Александр Леонидович, доучивание и переквалификация. Это система Франции, Австрии, целого ряда других стран. Различия связаны с тем, что люди по-разному смотрят на сущность дипломатии. Все согласны, что это сочетание науки, ремесла и таланта. Но придают разное значение каждому из этих компонентов.

1 Практическая психология для дипломатов 2011.

2 Callières 2018.

Например, в России XIX в. вообще считалось, что дипломатия – это искусство и учить ему невозможно, так же как невозможно научить писателя или художника. Можно научить разводить краски, но стать на уровень Рафаэля и Леонардо да Винчи невозможно. И потому в первую очередь следует обращать внимание на природные способности. Тогда это было возможно, потому что ежегодно в МИД принимали не более 20 человек, то есть подбор дипломатических кадров осуществлялся на сугубо индивидуальной основе. Но сейчас другие времена. Кто-то из мемуаристов написал, что к концу XIX в. на свете была всего примерно тысяча дипломатов, а сейчас только в одной Бразилии тысяча дипломатов. Конечно, теперь, когда профессия фактически стала массовой, невозможно подходить к ней с критериями XIX в. Теперь все регламентировано, тщательно прорабатывается порядок прохождения службы, чтобы исходить не из оценки работы конкретного дипломата, а из качества дипломатической службы в целом. Это очень важная мысль. Она не моя, ее высказал известный советский дипломат Анатолий Гаврилович Ковалев. Собственно, в этом прежде всего и заключается разница между современной дипломатией и той, которая существовала в золотой век профессии – в промежутке между Венским конгрессом и Первой мировой войной.

В.В. Воротников. В продолжение вопроса об искусстве полемики. Мы сталкиваемся с ситуациями, когда на многих дипломатических треках возникает задача переубедить противоположную сторону. Причем в условиях, когда нас зачастую и слышать-то не хотят. Как и чему тут учить? Или этому научить невозможно и все решает только опыт? Как обрести способность подвинуть противоположную сторону слышать тебя хотя бы на пятьдесят процентов, чтобы достичь, пусть частичного, консенсуса?

А.И. Кузнецов. Наблюдая за современными студентами МГИМО, можно выделить их отличия от предыдущих поколений. Благодаря интернету они хорошо работают с информацией. Они знают, как ее находить, как обрабатывать, как зрительно представлять, визуализировать, но при этом заметно, что они, к сожалению, мало читают. По-моему, вообще мало кто из них читает художественную литературу. А это настоящая беда, потому что люди в результате не владеют в должной степени родным языком. Но мы работаем все-таки на родном языке в первую очередь. И в системе ООН русский язык официальный. Раз человек не владеет тонкостями родного языка, он, тем более, не сможет овладеть иностранным, потому что невозможно знать иностранный язык лучше родного. Поэтому для того чтобы научиться выступать, полемизировать, нужно развивать соответствующие способности. Мы большой акцент делаем на качестве преподавания, как будто оно решает все. Но ведь многое зависит и от самого студента. Когда ты ведешь семинар, то зачастую видишь пустые глаза, видишь, что человеку неинтересно то, о чем идет речь. На что мы как университет можем рассчитывать в таких случаях? Даже при самых совершенных системах обучения языку, страноведению, если человек поступил к нам только чтобы получить диплом, он, что называется, не операбелен. Вот в чем наша проблема. Таких студентов не единицы, хотя и меньшинство. Большинство все-таки достаточно серьезно относится к своему образованию. Но им надо больше, гораздо больше читать. Эта проблема, кстати, не только наша. Я читал лекции в Испании, в самых разных университетах и других учебных заведениях, в том числе военных – везде преподаватели

жалуются, что люди не читают. Потому общегуманитарная эрудиция на очень низком уровне. Это проблема всех европейских стран. В отношении стран Востока не могу судить, так как гораздо меньше их знаю.

М.А. Конаровский. Действительно, это очень большая проблема. Снижение эрудиции может сыграть очень негативную роль в дипломатии и в межгосударственных отношениях в целом. Все-таки питаться формулировками, почерпнутыми в интернете, оперировать ими – вещь очень опасная. Самообразование принципиально важно. Это может быть чтение, это может быть посещение различных культурных мероприятий. Работать над собой нужно постоянно. Я уж не говорю об иностранном языке. Если полгода им не занимаешься, то начинаешь его забывать. А ты не имеешь права забывать, потому что это твоя работа. Раньше знание иностранного языка было редкостью, считалось чем-то особенным, а сейчас это обыденность.

А.И. Кузнецов. Даже вызывало подозрения.

М.А. Конаровский. Сейчас же это норма жизни, и ты обязан совершенствоваться. Поэтому самообразование, прежде всего чтение, необходимо.

А.И. Кузнецов. Однажды в Испании местный журналист, который одновременно преподавал в университете на последнем курсе магистратуры, поделился со мной наблюдением, что студенты абсолютно невежественны в общекультурном отношении. И он написал книгу, где распределил по разделам: сто романов, которые культурный человек должен прочитать; сто картин, которые он должен увидеть, либо в музее, либо в репродукции; сто опер, которые он должен прослушать, или других музыкальных произведений. То есть справочник о том, что надо сделать, чтобы быть культурным человеком. Представляете, до чего дело дошло...

А.Л. Чечевишников. Александр Игоревич констатировал такое обстоятельство, как дефицит мотивации у студентов. Мне это напомнило впечатления великого русского китаиста Василия Михайловича Алексева о своих сокурсниках по факультету восточных языков Петербургского университета. Он сокрушался, что студенты поверхностно изучают китайский язык, а все их устремления направлены на то, чтобы по-быстрому получить диплом и отправиться на строительство КВЖД. В общем, спешили за длинным рублем, а язык... как-нибудь¹. Кстати, сегодня, как и на рубеже XIX–XX вв., имеет место своеобразный ажиотаж вокруг изучения китайского. Некоторые студенты, едва овладев началами путунхуа, умудряются продавать свои скудные знания энтузиастам, уверовавшим в возможность легких путей...

Итак, мы заявляем о себе как об уникальной лингвистической школе. На основных факультетах до половины учебного времени расходуется на изучение иностранных языков. Предъявляя же себя как университет, мы сознаем, что программа преподавания не раз упоминавшейся сегодня истории у нас не сопоставима с Историческим факультетом Московского университета. Вот такая квадратура круга: когда важнейший элемент будущего профессионализма забирает до половины учебного времени, что делать с другой половиной? Как втиснуть в нее

1 Рифтин 2012.

все то, что вкладывается в головы студентов истфака? У меня нет другой версии, как что-то делать с мотивацией...

М.А. Конаровский. Это очень сложный вопрос – мотивация. Это понятие стало популярным в последние десятилетия. Его употребление иногда, что называется, зашкаливает. Но есть вещи, которые нельзя объяснить только материальной и карьерной мотивацией. Помимо нее есть, должна быть другая, идеальная, есть познавательный интерес.

Нужно понимать и специфику профессии, например, в части самодисциплины. Мне встречались толковые коллеги, которые не справлялись с установленными требованиями в производственном, бытовом и поведенческом плане. Многие уходили из профессии в силу иных обстоятельств. Иногда твоя элементарная бытовая оплошность за рубежом может становиться оплошностью политической. Как бы странно это внешне не звучало...

Мотивация к дипломатической службе может быть разная. Прежде всего, это очень интересно. Мы как-то не затрагивали эту тему, но работа за границей очень познавательна, потому что ты знакомишься со многим, о чем дома вряд ли узнаешь, даже если ты изучал все это по книгам. Особенно если путешествуешь, насыщаешься новыми впечатлениями. Размышляя о мотивации в нашей профессии, вспоминаешь различные ситуации из собственной биографии... Думаю, у Александра Игоревича очень много такого интересного опыта, ведь он и в ЮНЕСКО работал, и в Испании, и возглавлял наш чудесный Историко-документальный департамент. Имею удовольствие сейчас работать там в Архиве внешней политики России. Его сотрудники удивительно преданы своему делу. И это не дежурный комплимент, а вдохновляющая меня реальность. Такие люди – это тоже мотивация. Многие дипломаты, уходя в отставку, продолжают творческую и преподавательскую деятельность. Кто-то пишет... Это накопленный результат твоей жизни, и ты уже не можешь от всего этого отступить. Все это дорогого стоит, ведь далеко не всякому дано, уйдя на пенсию, продолжать заниматься креативом. Возможно, я слишком витиевато рассуждаю на эту тему, но вот на девятом десятке я как-то к этому пришел.

А.И. Кузнецов. Думаю, мы сами зачастую создаем проблемы для мотивации студентов, ослабляя требовательность к ним. Несколько лет я преподавал в МГЛУ и столкнулся с тем, что совершенно невозможно отчислить нерадивого студента, особенно если он учится на платном отделении. У меня были просто вопиющие случаи, когда люди не учились вообще и не ходили на занятия. Но за них родители платили, и отчислить их было совершенно невозможно. Это первое.

Второе. Студенты сейчас очень прагматично настроены. Если какой-то предмет надо сдавать на экзамене, это одно. А если зачет, значит, это уже предмет второго сорта, которому можно внимание не уделять. Потому что зачет получить гораздо легче, чем хорошо сдать экзамен.

Все это действует расхолаживающе. Но с другой стороны, по моему уже давнему опыту учебы в МГИМО, огромное значение для мотивации имеет личность преподавателя. В советское время наш вуз был идеологизированный, и были такие предметы, как научный коммунизм, история КПСС... Так вот у нас был исключительный преподаватель по истории КПСС, который умел преподнести свой предмет ярко и нестандартно. И мы с интересом его изучали.

Я уж не говорю про лингвострановедение. У меня был основным испанский язык, а нам тогда его преподавали испанцы, которые эмигрировали в Советский Союз после гражданской войны. И была замечательная преподавательница Мария Родригес. Она не столько учила нас языку – этим занимались другие люди, которые хорошо умели это делать. Она же – преподавала ибероамериканскую цивилизацию, прививала нам любовь к испанской литературе, к поэзии. Это раздвигало горизонты сознания, создавало тот самый широкий кругозор, который необходимо иметь дипломату, если он работает в определенном регионе, зная не только язык, но и культуру, цивилизацию, историю.

М.А. Конаровский. Мой собственный студенческий опыт говорит о том же. Грамматику персидского языка преподавала прекрасная советская преподавательница, ни разу не бывавшая в Иране, но блестяще знавшая язык. А языковую практику преподавали два перса. Один из них был отставной военный. После иранской революции 1947 г. он бежал в СССР. Они не были преподавателями по профессии, но запомнились своей харизмой, любовью к своей стране, ее истории и культуре... Помню другой случай, когда на втором курсе к нам пришел неказистый старичок со стареньким портфелем и начал рассказывать что-то про российско-персидские отношения до революции 1917 года. Мы почему-то не заинтересовались – то ли нам не понравился его портфель, то ли он сам, не знаю. А он оказался в те далекие времена нашим консулом в городе Решт на севере Ирана, и я до сих пор корю себя, что не законспектировал его рассказы о том периоде наших контактов с этой страной.

А.И. Кузнецов. Михаил Алексеевич, Вы подтверждаете мысль о том, насколько важна не только способность преподавателя, но и его личность. Приведу аналогичный пример. У нас на втором или на третьем курсе был спецкурс по Латинской Америке. Его вел абсолютно уникальный человек. Это был в прошлом советский разведчик номер один Иосиф Ромуальдович Григулевич, который к тому времени стал одним из столпов советской латиноамериканистики¹. Он написал много книг, биографий латиноамериканских деятелей. Он приходил к нам на спецкурс и рассказывал что Бог на душу положит. Мы, что называется, слушали его развесив уши, поскольку на нас действовал магнетизм его личности, харизма. Это запомнилось на всю жизнь. И, конечно, это сказывалось на нашей мотивации.

М.А. Конаровский. Мне кажется, сейчас у преподавателей «замота» гораздо больше, они имеют меньше возможностей предметно, лично работать со студентами. У них много часов в разных местах. Раньше было проще, можно было остаться с преподавателем после лекции, и он тебе что-то мог дорассказать. Сейчас время сжимается...

А.И. Кузнецов. Сейчас такого общения практически нет, за одним исключением – когда вы руководите подготовкой магистерской диссертации. Вот тогда вы имеете возможность индивидуальной работы со студентом, и он сам заинтересован в этой работе.

В.В. Воротников. Позволю себе вмешаться. У нас есть студенческие клубы. Как руководитель одного них могу сказать, что возможность такого общения все-

1 Козлов 2003.

таки есть и есть мотивированные студенты. У нас скандинавский клуб, и 10–12 коллег-студентов с интересом участвуют в его мероприятиях. В результате их удается глубже вовлечь в региональную проблематику. Александр Игоревич затронул очень важную, на мой взгляд, тему – лингвострановедение. Специалисты по языковой подготовке, по страноведческой подготовке должны «влюблять» человека в страну. Разумеется, не доводя дело до того, что человек уже любит страну изучаемого языка больше, чем свою, и, так сказать, становится на другую сторону. Хотя... как этого не допустить? Где те грани, которые позволяют этого не допустить? Наверное, в практической работе вы с этим сталкивались, когда человек долго работает в стране и у него некое искажение происходит. И по поводу мотивации у меня есть вопрос. Традиционно считается, что профессии военного присуще такое свойство, как служение. Так вот служение – это феномен, отличающий дипломата тоже, или это более прагматичная работа?

А.И. Кузнецов. Насчет служения. Очевидно, что есть много общего между военной и дипломатической службой. Это и определенная дисциплина, и самоограничение, о котором говорил Михаил Алексеевич, и многое другое. Даже мундир у нас есть. Но все-таки есть и отличие. Это особое чувство служения, то есть представление о том, что, будучи за границей, работая в посольстве, вы представляете не себя, а свою страну. В XIX в. среди дипломатов была распространена такая установка: важно, чтобы дипломат способствовал распространению «обаяния русского имени». Он должен был олицетворять это обаяние. И это высоко ценилось. Тогда представительской работе уделялось гораздо больше внимания, чем сейчас. Сейчас более прагматичное время, когда большую часть работы приходится проводить за письменным столом. Как дипломат у Льва Николаевича Толстого в романе «Война и мир», который работал в основном за письменным столом. Толстой это понял, но не все способны это уловить. Многие представляют себе дипломата как человека, который живет с бокалом шампанского в руке.

В.В. Воротников. Но именно служение и относит дипломата к той элите, о которой Вы говорили. Если это чувство есть, то ты элита, ты представляешь государство.

М.А. Конаровский. Добавлю по первой части Вашего вопроса. Это абсолютно правильный вопрос. И моя собственная жизнь подтвердила необходимость ротации. То обстоятельство, что мне удалось поработать и на Западе, очень расширило кругозор. Мне встречались весьма толковые, компетентные специалисты, которые в силу обстоятельств всю жизнь проработали в одной и той же восточной стране. И такая однобокая привязка, такая «девичья любовь» становилась для них обузой, сужала профессиональные возможности дипломата.

А.И. Кузнецов. Это было характерно для советской дипломатической службы, сейчас в гораздо меньшей степени. А тогда, если человек хорошо изучил какой-нибудь редкий язык, например, финский, венгерский, то чаще всего эти люди работали в соответствующих странах всю жизнь, с перерывами... Конечно, вырабатывалось определенное, узкое видение: эта страна и больше ничего. И еще о «девичьей любви». Это же зачастую не к стране любовь, а к условиям быта, которые вас устраивают.

М.А. Конаровский. Конечно, жизнь есть жизнь. Поэтому такая встряска, новая аура для дипломата очень важна.

А.И. Кузнецов. Ротация, о которой Вы сказали, это принципиальная, важная вещь.

М.А. Конаровский. Сейчас многие дипломаты в силу технических обстоятельств переводятся с западного направления на восточное. Это хорошая школа. Они открывают для себя новые горизонты, которые помогут им и в дальнейшей работе по возвращении на западное направление, они обретают осознание того, что не все так западоцентрично, как раньше казалось. Это очень способствует профессиональному росту. Скажу по собственному опыту, я получил очень многое для себя как для дипломата от работы в Вашингтоне. Потому что там ты имеешь дело с глобальной политикой этого государства и с широкой палитрой различных проблем мирового масштаба.

А.И. Кузнецов. Я тоже работал в посольстве в Вашингтоне, и это была очень серьезная школа.

А.Л. Чечевишников. Наверное, несправедливо будет утверждать, что только МГИМО является кадровым источником современной российской дипломатической службы. Мы знаем целый ряд примеров выдающегося успеха на дипломатическом поприще людей, которые прошли школу очень далекую не только от школы МГИМО, но и от социогуманитарного знания в целом. Самый яркий пример – это Анатолий Федорович Добрынин, много лет представлявший Советский Союз в Соединенных Штатах¹. Ему пришлось уйти из самолетостроения на самом раннем этапе своей биографии. Он был очень перспективный инженер. И он состоялся как один из самых ярких послов в одной из самых крупных держав. Как по вашим ощущениям, что будет дальше в сколько-нибудь обозримой перспективе? Насколько значим этот источник, этот ручеек кадров российской дипломатической службы из тех, кого в обиходе зачастую именуют технарями?

М.А. Конаровский. Я с такими не встречался, поэтому не могу судить. Но если теоретически посмотреть, то, наверное, это полезно. Потому что у таких людей имеется свое особенное видение реальности, для них характерен, так сказать, технический подход к жизни, к бытию. Это дает полезный эффект своего рода приземления видения проблем. Потому что за облака дипломатам тоже забираться не надо – там только облака. То есть надо баланс соблюдать. Наверное, в значительной мере это связано с обстоятельствами. Не думаю, что Добрынин стремился уйти из своей профессии и стать дипломатом. Это воля обстоятельств. И другие дипломаты, пришедшие в нашу профессию из технической среды, сделали этот выбор в результате конкретных жизненных обстоятельств. Рассчитывать на это как на некий дополнительный ручеек комплектования дипслужбы не нужно. Но и перекрывать его, конечно, не следует.

А.И. Кузнецов. В случае с Анатолием Федоровичем Добрыниным все же была определенная логика. Он был дипломатом-американистом, занимался исключительно Соединенными Штатами. Причем в тот период, когда вопросы разоружения, вопросы контроля над вооружениями занимали главное место в повестке дня советско-американских отношений. Думаю, что инженерное образование ему очень помогло, потому что он легче разбирался в военно-технических вопросах,

1 Добрынин 2023.

чем дипломат-гуманитарий. Но это уникальный случай, и вовсе не означает, что дипломатов надо готовить не в МГИМО, а в авиационном институте.

В.В. Воротников. Давайте вернемся в социогуманитарную сферу. Действительно, есть и другие учебные заведения, которые готовят дипломатических работников. По крайней мере, их выпускники идут на дипслужбу, успешно проходят испытания. Это и Исторический факультет Московского университета, это Лингвистический университет, это, конечно же, ИСАА. В вашей практике, чем выпускник, скажем так, непрофильного вуза, потому что МГИМО в этом смысле вуз профильный, прежде всего Факультет международных отношений, отличается от выпускника МГИМО?

А.И. Кузнецов. Я сталкивался с Лингвистическим университетом, я там несколько лет преподавал. И более того, некоторые выпускники этого института шли не просто в МИД, а в мой департамент. Этот университет сильно изменился, он фактически стал родственным МГИМО. Там учебные программы очень похожи на программы МГИМО. Поэтому сравнивать студентов достаточно сложно. И в МГИМО совершенно разные студенты есть, и там. Думаю, что в целом у МГИМО больше опыта в подготовке дипломатических кадров. В МГИМО есть опыт системного преподавания международных дисциплин, системной подготовки кадров, который гораздо богаче, чем в других учебных заведениях.

В.В. Воротников. Вы сказали про системность. Наверное, я несколько выйду за рамки нашей сегодняшней дискуссии, в которой мы говорим о школах подготовки дипломатов. Бывало ли в вашей практике такое, что какие-то особые навыки человека позволяли ему лучше осуществлять его обязанности на дипломатическом поприще? Простой пример. Чемпион мира по шахматам Хосе Рауль Капабланка был известным кубинским дипломатом¹. И до сих пор он остается очень значимой фигурой для Кубы. Был ли подобный опыт у вас? Сталкивались ли вы с такими людьми?

А.И. Кузнецов. Практически нет, но традиция дипломатов как политических назначенцев имеет очень глубокие исторические корни. Политические назначения всегда были, в одних странах меньше, в других больше. Что же касается неких способностей и увлечений, или, как говорят, компетенций, в других областях, это все в конечном счете украшает дипломата, делает его интересной личностью для других. Для посла, для дипломата вообще очень важно обзаводиться связями, быть интересным собеседником. Это одно из самых древних качеств, которое культивируется в дипломатии, оставаясь актуальным и сегодня.

В Историко-документальном департаменте мы специально занимались изучением темы «дипломаты-писатели». В истории России было много таких дипломатов. Я нашел справку в архиве, из которой следовало, что Грибоедов и Тютчев – это только самые известные имена, дипломатов-писателей было много, много больше. За царствование Александра III, за 13 лет, российскими дипломатами вне своих служебных обязанностей было опубликовано около семисот наименований разнообразной литературы. Это и романы, и поэтические сборники, и богословские труды, путевые заметки, словари. Авторское отношение к ним

1 Сизоненко 2013.

имели 15 процентов штатного состава МИДа. А тогда его совокупная численность, в Петербурге и за границей, составляла 600 человек.

И в других странах такая традиция наличествует. Например, в Латинской Америке мы хорошо знаем Пабло Неруду, Габриэлу Мистраль – нобелевских лауреатов. Они были дипломатами всю жизнь. Во Франции было много писателей-дипломатов, там не так давно была устроена научная конференция, посвященная этой теме. И у нас была такая конференция несколько лет назад. Мы сделали в МИДе выставку о писателях-дипломатах на основе архивных материалов¹. И эта тема выводит нас на одну из фундаментальных функций дипломатии – межкультурную коммуникацию. Дипломат служит своего рода мостом между представителями разных культур, цивилизаций, религий, что является важной составляющей дипломатического искусства. Думаю, это особенно важно в отношении стран Востока. Причастность дипломатов к культуре, когда они помимо своих профессиональных обязанностей занимаются литературой, искусством, наукой, это очень ценная традиция. В нашей стране она была достаточно развита, и до сих пор издаются литературные произведения.

М.А. Конаровский. Публикуется много интересных сборников. Но они выходят малыми тиражами, поэтому о них мало знают. Среди наших дипломатов, и действующих, и отставных, есть много интересных литераторов, поэтов, художников. Это свидетельствует о том культурном уровне, который помогает им жить в профессии и вне ее. Примеры такие есть и в МГИМО, и в МИДе, и в Совете ветеранов МИДа. Касательно же политических назначенцев могу сказать, что был хорошо знаком с афганским министром иностранных дел Абдуллой Абдуллой, который впоследствии баллотировался в президенты. У него интересная биография. По профессии он врач, но политика сделала его дипломатом, который вполне вписывался в афганскую внешнюю политику начала двухтысячных и пытался, как мог, убеждать своих проамериканских коллег в необходимости восстанавливать дружественные отношения с Россией.

На Востоке на дипломатическую службу традиционно поступает «белая кость». Это более образованные слои общества, состоятельные люди. Если взять ту же афганскую дипломатию, то и в королевский период, и в предреволюционный период конца 1970-х гг. я встречал многих профессиональных дипломатов – блестяще образованных, с которыми было интересно работать. Например, Раван Фархади, директор общеполитического департамента, третий человек в МИДе. У него было блестящее лингвистическое образование, полученное в Сорбонне. Позже он выпустил прекрасный словарь и грамматику своего родного языка дари. Наши специалисты по языку дари все потом перевели на русский. Я имел удовольствие с ним общаться и когда он был молодым дипломатом, и позднее – в его бытность послом, представителем в ООН. Так что дипломаты могут иметь различное «происхождение». Главное – необходимо постоянно расширять свой кругозор. Если ты не интересен партнеру, с тобой и про политику говорить не интересно.

А.И. Кузнецов. Мы подошли к еще одной важной теме, которой до сих пор не касались. Это ценностная ориентация дипломата. Сейчас много говорится в

1 Родина 2013.

нашем обществе о традиционных ценностях, ценностях патриотизма, семейных ценностях. Не только знания, не только умения, но и ценности формируют хорошего дипломата. Мы знаем много примеров гармоничной личности дипломата, сочетающей и культуру, и знания в самых разных областях с гуманитарной устремленностью и ценностной ориентацией. Все это в совокупности и образует личность, которая достигает успеха на дипломатическом поприще.

В.В. Воротников. Когда мы говорим о подготовке дипломатов, возможно, речь должна идти не о компетентностном подходе, а о мировоззренческом? То есть это подготовка мировоззренческая, а не просто компетентностная?

М.А. Конаровский. Безусловно. Дипломат – это профессия политическая. Дипломат не может в силу своей профессии быть аполитичным. Аполитичным может быть человек, который не имеет отношения к реальной политике. На международной арене ты обязан активно защищать интересы своей страны. Нужно всегда оставаться патриотом своей страны, защитником ее интересов. Это первостепенная профессиональная обязанность.

А.И. Кузнецов. Согласен с Михаилом Алексеевичем, трудно себе представить аполитичного дипломата. Но тут надо сделать одну оговорку. Дипломат в силу характера своей профессии должен руководствоваться здравым смыслом и видеть мир таким, как он есть, а не через какие-то идеологические – розовые или черные – очки. Потому что в противном случае он просто потеряет возможность делать то, чего от него ждут в первую очередь: производить объективный анализ международной обстановки и политики той страны, в которой он представляет интересы. Разумеется, нужно глубоко знать свою страну, понимать ее интересы. Недаром у нас в свое время прошла департизация дипломатической службы. В тех странах, где этого нет, система в принципе порочная. Там приходит к власти новая партия и отсекает тех, кто до этого работал на дипломатической службе. В такой ситуации на первый план выходит не столько преданность дипломата своей стране, сколько преданность партийному знамени. Это слабая сторона тех дипслужб, где такое практикуется.

М.А. Конаровский. Совершенно с Вами согласен. Когда я говорил о патриотизме, то именно это и имел в виду, потому что одно дело «квасной патриотизм», а другое – идущий изнутри.

А.И. Кузнецов. Насчет «квасного патриотизма» недавно прочитал в записных книжках друга Пушкина князя Петра Андреевича Вяземского. Он говорит, что есть такие «квасные патриоты», но они неопасны, а опасны «сивушные патриоты».

А.Л. Чечевишников. Итак, ценностно-ориентированный прагматизм, ценностно-ориентированный реализм – это вектор, который направляет высокопрофессионального дипломата в пространстве и времени. Много сил, нервов, здоровья дипломату приходится тратить и на некие, назову их так, скалярные, не-векторные усилия, когда надо взаимодействовать с той средой, в которой ты находишься, для того чтобы твоя личная карьера более или менее успешно продолжалась. Если же речь идет о целой институции, о МГИМО – главное, чтобы бытие Университета продолжалось, чтобы он, проявляя свою жизнеспособность, переходил с одного исторического этапа на другой.

Мне доводилось слышать от выпускников разных лет: самое ценное, что дает МГИМО, это способность к коммуникации, способность результативно

взаимодействовать с миром, с людьми. Это помогает конкретному выпускнику двигаться по своей жизненной траектории. Кто-то сходит с дистанции на исторических поворотах, чьи-то карьеры завершаются, но люди МГИМО (есть у нас такое неформальное понятие) и Университет в целом продолжают двигаться в Истории. Ценностно-ориентированный реализм, способность коммуницировать с эпохой – системообразующее качество нашего Университета.

Если этой беседой мы в чем-то убедили, в чем-то заинтересовали, вдохновили и не разочаровали, наверное, наша сегодняшняя рефлексия о том, как делают дипломатов, получилась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Добрынин, А.Ф.* Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). 3-е изд. М.: Международные отношения, 2023. 712 с.
- Dobrynin, Anatoly F. *Strictly Confidentially. Ambassador to Washington Under Six U.S. Presidents (1962–1986)*. М.: International Relations, 2023 [In Russian].
- Козлов, С.Я.* Портрет ученого. Две жизни Иосифа Ромульдовича Григулевича (к 90-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение. 2003. № 2. С. 126–135.
- Kozlov, S.Ya. "The Portrait of a Scholar. Two Lives of Iosif Romualdovich Grigulevich (Towards the 90th Anniversary)." *Ethnograficheskoe Obozrenie*, no. 2 (2003): 126–135 [In Russian].
- Конаровский, М.А.* Дорога в семь тысяч дней. Очерки истории и культуры Афганистана. М.: Издательский дом МГИМО, 2025. 367 с.
- Konarovsky, Mikhail A. *The Way of Seven Thousand Days. Essays on the History and Culture of Afghanistan*. Moscow: MGIMO Publishing House, 2025 [In Russian].
- Конаровский, М.А.* Афганистан на рубеже веков: новый перекресток судьбы. М.: МГИМО-Университет, 2020. 355 с.
- Konarovsky, Mikhail A. *Afganistan na rubezhe vekov: novyi perekrestok sud'by*. М.: MGIMO University, 2020 [In Russian].
- Кузнецов, А.И.* Дипломатическая служба старой России: корпоративные ценности и политическая культура // Дипломатический ежегодник – 2004. М.: Научная книга, 2005. С. 391–416.
- Kuznetsov, Alexander I. "Diplomaticheskaya sluzhba staroi Rossii: korporativnye tsennosti i politicheskaya kul'tura." In *Diplomaticheskii ezhegodnik* – 2004, 391–416. М.: Nauchnaya kniga, 2005 [In Russian].
- Кузнецов, А.И.* Дипломатия Александра I. Русская дипломатия во второй четверти XIX века. Дипломатия в эпоху Великих реформ. Дипломатия на рубеже XIX–XX столетия. Русская дипломатия в период между двумя революциями (1905–1917) // Кузнецов А.И., Райков Ю.А., Самойленко В.В. История дипломатии России. В двух томах. Т. I. IX – начало XX века / под ред. А.В. Торкунова, А.Н. Панова. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 207–347.
- Kuznetsov, Alexander I. "Diplomatiya Aleksandra I. Russkaya diplomatiya vo vtoroi chetverti XIX veka. Diplomatiya v ehpokhu Velikikh reform. Diplomatiya na rubezhe XIX–XX stoletiya. Russkaya diplomatiya v period mezhdu dvumya revolyutsiyami (1905–1917)." In *Istoriya diplomatii Rossii. V dvukh tomakh*, 207–347. М.: Aspect Press Ltd., 2018 [In Russian].
- Кузнецов, А.И.* Как готовили дипломатов в старой России // Международная жизнь. 2005. № 1. С. 56–68.
- Kuznetsov, Alexander I. "Kak gotovili diplomatov v staroi Rossii." *The International Affairs*, no. 1 (2005): 56–68 [In Russian].
- Практическая психология для дипломатов: учебное пособие / под ред. Р.Ф. Додельцева. 2-е изд., расш. и перераб. М.: МГИМО-Университет, 2011. 508 с.
- Prakticheskaya psikhologiya dlya diplomatov: uchebnoe posobie*, edited by R.F. Dodeltsev. М.: MGIMO University, 2011 [In Russian].
- Рифтин, Б.Л.* Русский китаевед академик В.М. Алексеев и его путешествия в Китай // Алексеев В.М. В старом Китае. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература, 2012. С. 3–21.
- Riftin, B.L. "Russkii kitaeved akademik V.M. Alekseev i ego puteshestviya v Kitai." In *V starom Kitae*, edited by V.M. Alekseev, 3–21. М.: "Vostochnaya literatura" Publiker, 2012 [In Russian].
- Родина, Е.* Дипломаты-писатели // Международная жизнь. 2013. 8 февраля. <https://interaffairs.ru/news/show/9138>.
- Rodina, Ekaterina. "Diplomaty – pisateli." *The International Affairs*, February 8 (2013) [In Russian].
- Сизоненко, А.И.* Капابلанка – шахматист, дипломат // Международная жизнь. 2013. № 13. С. 200–216.
- Sizonenko, Alexander I. "Kapablanka – shakhmatist, diplomat." *The International Affairs*, no. 13 (2013): 200–216 [In Russian].
- Callières, François de. *De la manière de négocier avec les souverains*. Paris: Pedone, 2018.
- Callières, François de. *On the Manner of Negotiating with the Princes*. Paris: Pedone, 2018 [In French].

Сведения об авторах

Михаил Алексеевич Конаровский,

к. ист. н., ведущий научный сотрудник Института международных исследований
МГИМО МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол
119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76

e-mail: makonarovsky@mail.ru

Александр Игоревич Кузнецов,

к. ист. н., профессор Кафедры дипломатии МГИМО МИД России,
Чрезвычайный и Полномочный Посол
119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76

e-mail: embkuz@mail.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 10 ноября 2024.

Переработана: 1 декабря 2024.

Принята к публикации: 10 декабря 2024.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Конаровский М.А., Кузнецов А.И. «Олицетворять обаяние русского имени». Беседа Чрезвычайных и Полномочных Послов М.А. Конаровского и А.И. Кузнецова о доминантах дипломатической профессии, с участием В.В. Воротникова и А.Л. Чечевишникова // *Международная аналитика*. 2024. Том 15 (4). С. 21–39.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-21-39>

“To Have a Winning Way of a Russian Name About Us”

*Conversation Between Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary
M. Konarovsky and Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary
A. Kuznetsov Featuring V. Vorotnikov and A. Chechevishnikov*

ABSTRACT

This publication is the record of a conversation in the editorial office of the International Analytics Journal about the peculiarities of the diplomatic service in various states, due to the historical traditions of the state service as a whole; about the training of diplomats in Russia in the past and present, and about the requirements for young diplomats. Among the most important requirements: learning how to formulate analytical texts, participating in the drafting of diplomatic documents; the ability to speak and conduct public polemics in English and in the language of the host country; constantly broadening cultural horizons, being an interesting conversationalist; observing the everyday and behavioural restrictions imposed by the diplomatic service; assuming all the nuances of diplomacy. The publication also analyses the main problem of diplomatic training at MGIMO – the need to maintain a university level of education while spending a significant part of the study time on language training.

KEYWORDS

Schools of diplomacy, MGIMO Diplomatic School, professional features of the diplomatic service, value-based realism

Authors

Mikhail A. Konarovsky,

PhD (Hist.), Leading Research Fellow at the Institute for International Studies,
MGIMO University, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: makonarovsky@mail.ru

Alexander I. Kuznetsov,

PhD (Hist.), Professor of the Department of Diplomacy, MGIMO University,
Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: embkuz@mail.ru

Additional information

Received: November 10, 2024. Revised: December 1, 2024. Accepted: December 10, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Kuznetsov, Alexander I., and Mikhail A. Konarovsky. “To Have a Winning Way of a Russian Name About Us.” *Conversation Between Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary M. Konarovsky and Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary A. Kuznetsov Featuring V. Vorotnikov and A. Chechevishnikov.* *Journal of International Analytics* 15, no. 4 (2024): 21–39. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-4-21-39>.